

Громыко С. А. Художественная литература как источник прецедентности в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале речей депутатов-националистов) / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 40—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-40-52.

Gromyko, S. A. (2018). Fiction as a Source of Precedents in Russian Parliamentary Discourse of the Early 20th Century (on Material of Speeches of Nationalist Deputies). *Nauchnyy dialog*, 7: 40-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-40-52. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 808.51:329.17+811.161.1'42:328

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-40-52

Художественная литература как источник прецедентности в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале речей депутатов-националистов)¹

© **Громыко Сергей Александрович (2018)**, orcid.org/0000-0002-4256-9815, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия), ling2007@yandex.ru.

Рассматривается вопрос использования текстов художественных произведений в российском парламентском дискурсе начала XX века. Проанализировано использование литературно-художественного интертекста в речах депутатов-националистов как наиболее активных ораторов в Государственной думе (Н. Е. Маркова, В. М. Пуришкевича, Г. Г. Замысловского, С. В. Левашова). В результате анализа установлено, что депутаты данной политической группы (фракции правых) активно использовали в своих выступлениях отсылки к публицистическим и художественным произведениям ряда русских писателей: А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского. Особое внимание уделяется исследованию функций литературно-художественного интертекста в парламентской речи. В риторико-прагматическом аспекте выделены и описаны 3 основные функции включения цитат и аллюзий из литературы в выступления депутатов-националистов: апеллирование к авторитету русского писателя (в первую очередь, Ф. М. Достоевского), демонстрация иронического и саркастического отношения оратора к оппонентам, умолчание и эвфемизация. Две последние функции являлись основой для речевой агрессии, а интертекст использовался оратором для смягчения агрессии.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 16-34-01050-ОГН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

тором как средство понижения авторитета противника путем его помещения в контекст произведения (сопоставление с персонажем или с ситуацией сюжета).

Ключевые слова: риторика; интертекст; парламентская речь; политический дискурс; Государственная дума; прагматика речи; аргументация высказывания.

1. Введение в проблему

Учреждение I Государственной думы в 1906 году ознаменовало собой рождение новой для России отрасли светского красноречия — парламентской риторики. До этого времени в России не было системы институтов демократического народного представительства, следовательно, не были выработаны принципы и механизмы публичной дискуссии в рамках политических институтов. Депутатам I Государственной думы пришлось разрешать противоречие между необходимостью участия в дискуссии и отсутствием умений и опыта ведения публичного политического диалога.

В начале XX века устная публичная речь разных стилей и жанров получает исключительное право быть основным видом словесной культуры: расширяются ее виды и функции, увеличивается аудитория [Чистякова, 2006]. Это было связано с тем, что в конце XIX — начале XX веков требования российского общества к речи достаточно сильно изменились по сравнению с предыдущими этапами развития русской риторики. Демократизация институтов власти разного уровня, начатая либеральными реформами 1860—1870-х годов, резко увеличила роль публичного общения, причем в самых различных сферах жизни человека. В публичную деятельность вовлекалось все больше людей из разных сословий. Умение ясно и убедительно высказывать свою точку зрения стало необходимым не только представителям высших слоев российского общества, но и мещанам, разночинцам, а позже — рабочим и крестьянам. В начале XX века в отечественной риторике наблюдается повышенный интерес к воздействующей функции речи, который отразился в риторических руководствах того времени. В 1906 году впервые в истории России был сформирован политический институт, в котором равные возможности выражения своих позиций были предоставлены и дворянам, культура слова которых воспитывалась лучшими произведениями отечественной словесности, и рабочим, речь которых оттачивалась в производственном общении, отчасти на митингах, и представителям духовенства с их познаниями и умениями в области духовной риторики, и крестьянам, которые, казалось бы, в искусстве красноречия должны были уступать остальным депутатам. Представителям разных сословий и политических партий было необходимо наладить такое речевое взаимодействие, на основе которого мог бы состояться эффективный политический диалог.

Экстремистский дискурс и экстремистский текст за последние несколько лет стали объектами интенсивного изучения. Активному исследованию подвергаются тексты экстремистских религиозных организаций [Балукова, 2013], образы, использующиеся с целью коммуникативного воздействия на адресата [Злоказов, 2015], когнитивные особенности и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса [Ворошилова, 2014], информационно-психологическое воздействие религиозно-политических экстремистских текстов [Тагильцева, 2015], жанры современного экстремистского дискурса [Бабикова, 2015]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Экстремистский текст и деструктивная личность» [Экстремистский текст ..., 2014].

Такое внимание к различным аспектам речи националистов и экстремистов связано в первую очередь с ее распространением в современном мире и безусловным негативным влиянием, как на общество, так и на личность с позиции современной аксиологии. В этом плане изучение риторики русских националистов в историческом аспекте [Громыко, 2016б] представляется также очень важным для понимания речевого генезиса русского национализма, выявления устойчивых форм, жанров, моделей и прочих констант речевой деятельности представителей данной политической группы. Датой зарождения русской националистической риторики следует считать начало XX века, когда были созданы сразу несколько печатных изданий для трансляции крайне правых и антисемитских идей (например, «Бессарабец» и «Знамя» П. А. Крушевана), а затем в 1905 году был образован «Союз русского народа» со своим мощным печатным органом — газетой «Русское знамя». Эти издания сыграли большую роль в истории России: достаточно упомянуть хотя бы публикацию в «Знамени» в 1903 году знаменитых «Протоколов сионских мудрецов». Русская националистическая риторика стала институциональной в 1907 году, когда русские правые радикалы впервые получили представительство во Второй Государственной думе и произнесли несколько речей, которые имели широчайший резонанс в российском обществе.

В данной статье рассматривается функция различного рода отсылок к художественной и публицистической литературе в выступлениях депутатов Государственной думы второго, третьего и четвертого созывов. Поскольку наиболее активно эти отсылки использовались крайне правыми депутатами, анализу подвергались в первую очередь речи депутатов-националистов. Материалом для исследования послужили опубликованные стенограммы заседаний дореволюционной Государственной думы. Было проанализировано 86 выступлений депутатов-националистов Н. Е. Мар-

кова, В. М. Пуришкевича, Г. Г. Замысловского, С. В. Левашова. Методом сплошной выборки были выявлены прецедентные феномены, связанные с художественной литературой, затем устанавливалась функция данных феноменов в прагматике высказывания.

2. Художественная литература как прецедентный текст в парламентской коммуникации

Феномен прецедентности в политическом дискурсе исследовался многими учеными [Баранов и др., 1991; Галиева и др., 2011; Китайгородская и др., 2003; Нахимова, 2007; Чудинов, 2006 и др.]. В такой разновидности политического дискурса, как парламентская коммуникация, роль интертекстуальности изучена гораздо меньше. В данной статье мы придерживаемся сложившегося в отечественной лингвистике понимания прецедентных текстов как текстов, значимых для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющих сверхличностный характер, то есть хорошо известных и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, текстов, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Русский язык, 1987, с. 218].

Дискуссия в русском дореволюционном парламенте чрезвычайно насыщена прецедентными феноменами, однако они проявляются неравномерно, всплесками. Важную роль в их появлении играет уровень культуры оратора, его образование, риторический опыт. В большом количестве речей вообще нет проявлений средств интертекстуальности, некоторые депутаты, выступая по несколько раз с трибуны, ни разу не использовали прецедентность, за исключением автопрецедентов. Наоборот, лидеры фракций, депутаты, которые служили ориентиром в политической и ораторской деятельности Думы, видели в интертекстуальности высказывания особое средство речевого воздействия.

С точки зрения прагматики высказывания, интерес представляет не просто тезаурус прецедентных высказываний, а корреляция между авторским выбором прототекста (оно обусловлено представлением оратора о степени убедительности того или иного текста), с одной стороны, и политической / социальной идентификацией оратора, с другой стороны. По сути, тезаурус прецедентных текстов в парламентской коммуникации служит маркером политической / сословной принадлежности говорящего. Именно поэтому особое внимание обращает на себя тот факт, что среди всех политических групп в русском дореволюционном парламенте именно националисты и правые в целом чаще всех использовали

литературно-художественную прецедентность. Самый высокий уровень такой прецедентности можно заметить в речах лидера русских националистов Н. Е. Маркова, несколько реже художественный интертекст привлекался В. М. Пуришкевичем, Г. Г. Замысловским и С. В. Левашовым. Все четверо — члены черносотенных организаций, дворяне с высоким уровнем образования. Марков окончил Московский кадетский корпус, а затем — Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, Пуришкевич — историко-филологический факультет Новороссийского университета, Замысловский — юридический факультет Санкт-Петербургского университета, Левашов — Петербургскую медико-хирургическую академию.

Тезаурус прецедентных текстов из сферы художественной литературы своеобразен. Правые парламентарии отсылали в своих речах аудиторию исключительно к русской литературе, адресации к зарубежным писателям и произведениям единичны. При этом наибольшее число цитирований приходится на русскую литературу первой половины и середины XIX века, то есть на классический период ее развития. Понятно, что такая особенность думского интертекста не просто отражает круг чтения депутатов, хотя прототексты и не выходят, как правило, за рамки гимназической программы. В первую очередь нужно говорить о том, что именно русская классическая литература была для правых политиков маркером их идеологии, этнически самоценная и сверхценная русская духовная культура в их представлении выражалась, прежде всего, в великих произведениях, созданных на русском языке.

3. Функции литературно-художественного интертекста в парламентских речах националистов

Рассмотрим основные функции литературно-художественного интертекста в парламентских речах националистов.

(1) Апеллирование к авторитету писателя. Применительно к выступлениям исследуемой группы депутатов в качестве аргумента к авторитету чаще всего использовались художественные произведения и публицистика Ф. М. Достоевского. Важная структурная часть высказывания при этом — не просто указание на автора, а обозначение безоговорочного согласия с ним. Националистические взгляды писателя, которые он неоднократно высказывал публично, агрессия по отношению к евреям, а также его консервативность и неприятие социалистов и либералов сделали Достоевского одним из самых популярных писателей, творчество которых использовалось для пропаганды черносотенными организациями. Смысл его цитирования укладывался в паттерн, который можно выразить фразой

«Как вы можете спорить с нами, если об этом писал сам великий Достоевский?» При этом Достоевский обозначается ораторами как «покойный», «достопамятный», «приснопамятный», то есть тот, с кем бессмысленно спорить. Марков: *Это мнение не только мое, но и очень умного человека, покойника Достоевского, которого я прочту вам выдержку: «Не вникая в суть и глубину предмета, можно изобразить хотя некоторые признаки этой status in statu. По крайней мере, хотя наружные признаки эти — отчужденность и отчужденность на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность — евреи, а другие хотя и есть, но все равно надо считать, что как бы их не существовало...».* Вот как характеризует еврейскую политику великий Федор Михайлович Достоевский, и я повторяю его основную мысль: я считаю евреев вредоноснейшим элементом и считаю, что Достоевский, сказавший, что жид погубит Россию, был прав [ГД 1916, стб. 3400]. В данном случае оратор цитировал и интерпретировал статью Достоевского «Status in statu. Сорок веков бытия», опубликованную в «Дневнике писателя» в 1877 году [Достоевский, 1995, с. 92—98].

Левашев: *Иногда и двести тысяч угнетают несколько миллионов. Этого вы не знаете, а если не знаете, то узнаете... Тогда, господа, исполнится пророчество самого пронзительного и самого мудрого русского писателя Достоевского, что Россию погубят евреи* [ГД 1916, стб. 3364—3365]. Основой для данного высказывания послужила запись в «Дневнике писателя» за 1873 год и несколько других фраз, известных по письмам Достоевского различным корреспондентам.

Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» цитировался в основном для приведения аргумента к авторитету в тех случаях, когда объектом идеологической атаки становились кадеты, октябристы и прогрессивный блок, то есть либеральная часть Думы. Марков: *Приснопамятный Федор Михайлович Достоевский написал небезызвестный многим из вас роман «Бесы». И вот что говорит, господа, один из героев романа Достоевского: «Наш русский либерал прежде всего лакей, и только и смотрит, как бы кому сапоги вычистить». Это текст из «Бесов» Достоевского. Это сорок лет тому назад, господа, провидел великий Федор Достоевский. Вот как он определил русского либерала еще того времени... И вот, господа, Достоевский, к сожалению, был прав* [ГД 1916, стб. 4530]. Обратим внимание на явную манипулятивность высказывания: слова о русских либералах в романе высказывает Иван Шатов, а вовсе не сам автор и даже не повествователь. Шатов — персонаж, в чем-то, безусловно, близкий

Достоевскому, однако в условиях полифонии романа он транслирует идеи, которые нельзя отождествлять с мнением автора.

Примечательно, что националисты в Думе зачастую противопоставляли «своего» классика Достоевского «новомодному» юдофилу Максиму Горькому. *Марков: На днях мы имели доказательство того, как понимают люди, единомышленники здесь сидящих, свободу слова. Небезызвестный писатель, который так раздут еврейской кагальной печатью, Максим Горький вооружился не только против всех инакомыслящих современников, но и против почивающего уже много лет Фёдора Достоевского, даже на него замахнулся Максим Горький. Устраните-де Фёдора Достоевского, ибо он думает не так, как я, Максим Горький. Это красочный пример того, до чего эти господа могут дойти, коли им дать полную свободу. Не только современникам запретят думать иначе, как они сами думают, но даже великих мертвецов захотят упразднить* [ГД 1914, стб. 230].

(2) Ирония и сарказм как составляющие речевой агрессии. Особой роли и структуре речевой агрессии в российском парламенте и в дискурсе русских националистов ранее были посвящены несколько работ [Громыко, 2010; Громыко, 2016б]. В частности, отмечалось, что именно правые радикалы в Думе больше, чем политические конкуренты уделяли внимание иронии в процессе речевой атаки. В речах Пуришкевича и Маркова ирония вообще была основным средством публичного понижения авторитета оппонентов [Громыко, 2016б]. Ирония, основанная на литературно-художественном интертексте, усугубляет комическое начало за счет усиления несоответствия между незначительностью объекта иронии и величиим литературного произведения и его автора либо за счет сопоставления объекта иронии с известным персонажем русской литературы. Так, например, Н. Е. Марков, используя строку из стихотворения А. С. Пушкина «Стансы» 1826 года, иронизировал над предшествующим выступлением лидера октябристов А. И. Гучкова: *Военное министерство держало Россию в опасном состоянии шесть лет, и дай бог, чтобы это опасное состояние уже не продолжалось. А. И. Гучков смотрит с доверием на будущее, «вперед глядит он без боязни», а я, признаться, говорю, и вперед некоторую боязнь испытываю* [ГД 1912, стб. 752]. Затем в этой же речи депутат интерпретировал взгляды оппонента при помощи фразы из «Будки» Г. И. Успенского: *...Мы должны сокращать сметы правительства, но избави бог, если мы проявим разумную инициативу — так говорят принципы доброго хозяина в интерпретации А. И. Гучкова. Господа, я думаю, что это принципы малокультурного городского, он тоже думает, что обязанность полиции — тащить и не пущать, а дальше ничего не видит* [ГД 1912, с. 754].

Наиболее агрессивный прием — развернутое сопоставление политика с персонажем русской литературы — был характерен для речей В. М. Пуришкевича: *Да простит мне Председатель Совета министров Борис Владимирович Штюрмер. Разве Кивач красноречия, который бросал Председатель Совета министров сейчас, посещая все министерства и все департаменты <...> уместен в настоящее время? <...> Я вспоминаю страницы великой бессмертной поэмы величайшего русского писателя Гоголя. Вспомните: приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам. Был с почтением у губернатора, потом отправился к вице-губернатору, затем к прокурору, председателю палаты <...> Достаточно сказать, что приезжий оказался необыкновенной деятельности относительно визитов: он явился даже заявить свое почтение инспектору врачебной управы, городскому архитектору, а потом долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит (Рукоплескания и смех)* [ГД 1916, стб. 1501].

(3) Умолчание как составляющая речевой агрессии. Апоσιοпеза в речах националистов наряду с эвфемизмом была одним из приемов институционализации агрессивного поведения. До вхождения националистов в Думу их дискурс носил откровенно инвективный характер по отношению к главным противникам, в то время как парламент потребовал от черносотенцев «приемлемой», «цивилизованной» агрессии. В этом плане примечательна история депутатства во Второй Думе, пожалуй, самого одиозного русского националиста — Паволакия Крушевана. Вопреки ожиданиям публики, Крушеван произнес лишь несколько речей, смягчая и тщательно эвфемизируя наименования врагов [Громыко, 2016а]. Аналогично и апоσιοпеза классического литературного произведения является подходящим материалом, с одной стороны, для обвинения оппонентов, а с другой — для соблюдения парламентского регламента. *Марков : И вот из-за этой ненужной и в настоящее время вредной поправки есть опасность, что вещь полезная — законопроект о равноправии крестьян не осуществится, а если так случится, если этот законопроект будет отвергнут в Государственном Совете..., то крестьяне, которые десять лет уже имеют равноправие, оное, благодаря вам, потеряют. Вот что получится от этого усердия неразумных друзей. Еще незабвенный батюшка Крылов сказал: «Избави Бог...», я не кончаю, господа, вы dokonчите сами* [ГД 1916, стб. 5319].

4. Выводы

Анализ материала показал, что националистический дискурс в дореволюционном российском парламенте обладал высоким уровнем precedent-

ности. Речи правых депутатов можно назвать насыщенными культурными знаками, обращенными к русской классической литературе XIX века в качестве мощнейшего авторитета, подающего пример политикам века XX. В своих выступлениях депутаты-националисты использовали цитаты и аллюзии из художественных и публицистических произведений А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского. Можно с уверенностью сказать, что отличительной чертой националистической риторики в парламенте начала XX века была интеллектуальность, основанная на национальной дворянской культуре, а также образовании и воспитании ораторов.

Функции привлечения литературно-художественного интертекста в парламентской коммуникации были разнообразными. Во-первых, это функция воздействия на слушателей путем «притягивания» к своей точке зрения авторитета русского писателя. Иными словами, перед нами аргумент к авторитету. При этом тот или иной писатель или даже персонаж становился в устах ораторов сторонником и выразителем политических воззрений фракции националистов.

Во-вторых, адресация слушателей к русской классической литературе маркировала оратора как принадлежащего к вполне определенной политической и социальной группе, тем самым происходила ориентация аудитории в пространстве парламентской коммуникации. Депутаты-националисты выработали свой тезаурус художественных прототекстов и противопоставили ему чуждых писателей, например Максима Горького.

В-третьих, литературные цитаты и аллюзии отражали систему ценностей оратора, уровень его личной, социальной и политической культуры, поэтому выступления депутатов-черносотенцев, особенно Н. Е. Маркова и В. М. Пуришкевича, в отличие, например, от депутатов-социалистов, производят впечатление хорошо подготовленных, продуманных и глубоких. В то же время необходимо отметить, что исключительно правые депутаты использовали литературный интертекст в качестве основы для речевой агрессии, причем в довольно жестких формах иронии и сарказма.

Источники и принятые сокращения

1. ГД 1912 — *Государственная Дума* : третий созыв : стенографические отчеты : сессия пятая : часть 4. — Санкт-Петербург, 1912. — 1826 с.
2. ГД 1914 — *Государственная Дума* : четвертый созыв : стенографические отчеты : сессия вторая : часть 1. — Санкт-Петербург, 1914. — 1794 с.
3. ГД 1916 — *Государственная Дума* : четвертый созыв : стенографические отчеты : сессия четвертая : часть 2. — Петроград, 1916. — 2032 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1877. Март. Глава вторая. III. Status in statu. Сорок веков бытия / Ф. М. Достоевский. — В книге : Достоевский Ф. М.

Собрание сочинений в 15 томах / Ф. М. Достоевский. — Санкт-Петербург : Наука, 1995. — Т. 14. — С. 92—98.

Литература

1. *Бабикова М. Р.* Аллогенные жанры в современном экстремистском дискурсе / М. Р. Бабикова, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 160—164.
2. *Балукова Н. А.* Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство “Юсмалос”» / Н. А. Балукова, Л. Е. Веснина // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 199—208.
3. *Баранов А. Н.* Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Институт русского языка АН СССР, 1991. — 193 с.
4. *Ворошилова М. Б.* Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 242—245.
5. *Галиева Э. Ю.* Прецедентные тексты в публицистике / Э. Ю. Галиева, Р. Р. Зиннатова // Современная филология : материалы Международной научной конференции (г. Уфа, апрель 2011 г.). — Уфа : Лето, 2011. — С. 239—241.
6. *Громыко С. А.* Кооперация и конфронтация в парламентских речах русских националистов в начале XX века (на примере выступлений П. А. Крушевана) / С. А. Громыко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016а. — № 6 (60). — С. 70—73.
7. *Громыко С. А.* Особенности речевой агрессии русских националистов в до-революционной Государственной думе / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2016б. — № 4 (58). — С. 217—224.
8. *Громыко С. А.* Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года / С. А. Громыко ; Вологодский государственный педагогический университет. — Вологда : ВГПУ, 2010. — 215 с.
9. *Злоказов К. В.* Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» / К. В. Злоказов, А. Ю. Софронова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 247—253.
10. *Кириянов И. К.* Российские парламентарии начала XX века : новые политики в новом политическом пространстве : диссертация... доктора исторических наук / И. К. Кириянов. — Пермь, 2009. — 537 с.
11. *Китайгородская М. В.* «Свое — чужое» в коммуникативном пространстве митинга / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русистика сегодня. — 1995. — № 1. — С. 93—116.
12. *Матвеев А. В.* Идеологема «русский» в думской риторике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) / А. В. Матвеев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7 (69). — Ч. 2. — С. 118—122.

13. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2007. — 207 с.
14. *Новейший философский словарь* / под ред. А. А. Грицанова. — Минск : Издательство В. М. Скаун, 1999. — 896 с.
15. *Руженцева Н. Б.* Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2004. — 294 с.
16. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 263 с.
17. *Тагильцева Ю. Р.* «В ту ночь, когда рождались волки», или «поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма / Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 165—170.
18. *Хализев В. Е.* Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 1999. — 398 с.
19. *Чистякова И. Ю.* Русская политическая ораторика первой половины XX века : этос ратора : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / И. Ю. Чистякова ; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. — Москва, 2006. — 48 с.
20. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта ; Наука, 2006. — 254 с.
21. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с.
22. *Щербинина Ю. В.* Речевая агрессия : территория вражды / Ю. В. Щербинина. — Москва : Форум, 2012. — 397 с.
23. *Экстремистский текст и деструктивная личность* / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова [и др.]. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2014. — 271 с.

Fiction as a Source of Precedents in Russian Parliamentary Discourse of the Early 20th Century (on Material of Speeches of Nationalist Deputies)¹

© **Gromyko Sergey Aleksandrovich (2018)**, orcid.org/0000-0002-4256-9815, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Journalism and Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia), ling2007@yandex.ru.

¹ The work is financially supported by Russian Foundation for Basic Research. Project No. 16-34-01050-ОГН “Rhetoric of Russian nationalism: impacts, argument, images (on the material of public discussions of the early 20th century)”.

The use of fiction texts in the Russian parliamentary discourse of the early 20th century is considered. The use of literature intertext in the speeches of the deputies-nationalists as the most active speakers in the State Duma (N. E. Markov, V. M. Purishkevich, G. G. Zamkovsky, S. V. Levashov) is analyzed. As a result of the analysis it is established that the deputies of this political group (right-wing faction) actively used in their speeches references to publicistic and artistic works of a number of Russian writers: A. S. Pushkin, I. A. Krylov, N. V. Gogol, I. S. Turgenev, N. A. Nekrasov, M. E. Saltykov-Shchedrin, G. I. Uspensky. Particular attention is paid to the study of the functions of literary and artistic intertext in the parliamentary speech. Three main functions of inclusion of quotations and allusions from literature in the speeches of the nationalist deputies are highlighted and described in the rhetorical and pragmatic aspect: appeal to the authority of the Russian writer (first of all, F. M. Dostoevsky), demonstration of the ironic and sarcastic attitude of the speaker to opponents, silence and euphemization. The latter two functions were the basis for speech aggression, and the intertext was used by the speaker as a means of reducing the authority of the enemy by placing it in the context of the work (comparison with the character or with the situation of the plot).

Key words: rhetoric; intertext; parliamentary speech; political discourse; State Duma; pragmatics of speech; argumentation of speech.

Material resources

- Dostoyevskiy, F. M. (1995). *Dnevnik pisatelya. 1877. Mart. Glava vtoraya. III. Status in statu. Sorok vekov bytiya*. In: Dostoyevskiy, F. M. *Sobraniye sochineniy v 15 tomakh*. Sankt-Peterburg: Nauka. 14: 92—98. (In Russ.).
- GD 1912 — *Gosudarstvennaya Duma: tretiy sozyv: stenograficheskiye otchety: sessiya pyataya: chast' 4*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- GD 1914 — *Gosudarstvennaya Duma: chetvertyy sozyv: stenograficheskiye otchety: sessiya vtoraya: chast' 1*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- GD 1916 — *Gosudarstvennaya Duma: chetvertyy sozyv: stenograficheskiye otchety: sessiya chetvertaya: chast' 2*. Petrograd. (In Russ.).

References

- Antonova, Yu. A., Vesnina, L. E., Voroshilova, M. B. (eds.). (2014). *Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost'*. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).
- Babikova, M. R., Voroshilova, M. B. (2015). Allogennyye zhanry v sovremennom ekstremistskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54): 160—164. (In Russ.).
- Balukova, N. A., Vesnina, L. E. (2013). Kommunikativnyye strategii i taktiki v tekstakh religioznoy organizatsii «Velikoye Beloye Bratstvo “YUsmalos”». *Politicheskaya lingvistika*, 3 (45): 199—208. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1991). *Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu*. Moskva: Institut russkogo yazyka AN SSSR. (In Russ.).
- Chistyakova, I. Yu. (2006). *Russkaya politicheskaya oratorika pervoy poloviny XX veka: etos ritora: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).

- Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Galiyeva, E. Yu., Zinnatova, R. R. (2011). Pretsedentnyye teksty v publitsistike. *Sovremennaya filologiya*. Ufa: Leto. 239—241. (In Russ.).
- Gritsanov, A. A. (ed.). (1999). *Noveyshiye filosofskiy slovar'*. Minsk: Izdatelstvo V. M. Skakun. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2010). *Priyemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoy dume 1906 goda*. Vologda: Vologodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2016). Kooperatsiya i konfrontatsiya v parlamentskikh rechakh russkikh natsionalistov v nachale XX veka (na primere vystupleniy P. A. Krush-evana). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6 (60): 70—73. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2016). Osobennosti rechevoy agressii russkikh natsionalistov v dorevolutsionnoy Gosudarstvennoy dume. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (58): 217—224. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Khalizev, V. E. (1999). *Teoriya literatury*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Kiryanov, I. K. (2009). *Rossiyskiye parlamentarii nachala XX veka: novyye politiki v novom politicheskom prostranstve*: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk. Perm'. (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). «Svoye — chuzhoye» v kommunikativnom prostranstve mitinga. *Rusistika segodnya*, 1: 93—116. (In Russ.).
- Matveyev, A. V. (2016). Ideologema «russkiy» v dumskey ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza). *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 7 (69)/2: 118—122. (In Russ.).
- Nakhimova, E. A. (2007). *Pretsedentnyye imena v massovoy kommunikatsii*. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).
- Ruzhentseva, N. B. (2004). *Diskreditiruyushchiye taktiki i priyemy v rossiyskom politicheskom diskurse*. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).
- Tagiltseva, Yu. R. (2015). «V tu noch', kogda rozhdalis' volki», ili «poeziya» informat-sionno-psikhologicheskogo vozdeystviya religiozno-politicheskogo ekstremizma. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54): 165—170. (In Russ.).
- Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Shcherbinina, Yu. V. (2012). Rehevaya agressiya: territoriya vrazhdy. Moskva: Forum. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2014). Kognitivnyy arsenal i kommunikativnyye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika*, 3 (49): 242—245. (In Russ.).
- Zlokazov, K. V., Sofronova, A. Yu. (2015). Obrazy kommunikatorov i strategii vozdeystviya pri propagande idey terroristicheskoy organizatsii «Islamskoye gosudarstvo». *Politicheskaya lingvistika*, 2 (52): 247—253. (In Russ.).